

УДК 81'367

ТИПЫ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ДИСКУРСЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА: СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Анна Александровна Анисова

старший преподаватель кафедры современного русского языка

Дальневосточный государственный университет

690950, г. Владивосток, ул. Суханова, д. 8. anisann@yandex.ru

Статья посвящена изучению основных типов словосочетаний в дискурсе Андрея Платонова. Анализируются такие виды конструкций, как свернутые, избыточные и трансформированные словосочетания. Рассматриваются их семантические и синтаксические особенности. Автор статьи связывает формальные преобразования в структуре словосочетаний с их семантической трансформацией и выражением замысла писателя.

Ключевые слова: синтаксис словосочетания; язык художественного произведения; А.Платонов.

На современном этапе исследования произведений А.Платонова активно и плодотворно разрабатывается так называемое «лингвистическое направление», углубленно познающее особый языковой строй произведений А.Платонова. Традиция изучения наследия этого автора сделала своеобразной аксиомой идею о том, что ключом к пониманию его текста (и шире – творчества) является детальный анализ его языка. Е.Толстая-Сегал отмечала, что у А.Платонова «язык все более становится «фактором конструкции» – на уровне слова и словосочетания выводятся основные мировоззренческие понятия и скрытые смысловые слои» [Толстая-Сегал 1978: 109].

Свое исследование мы строим на материале повести «Котлован», так как это произведение представляет собой принципиально новую ступень в творческой эволюции А.Платонова и многими исследователями отмечается как вершина стиля писателя.

При анализе дискурса повести были выявлены следующие типы словосочетаний: **свернутые, избыточные и трансформированные**. Рассмотрим их подробнее.

1. Свернутые словосочетания.

В своих записных книжках А.Платонов отмечает, что искусство – «высшая форма экономии» [Платонов 2006: 22]. Этот принцип воплощается у него уже на уровне языка. Характеризуя эту черту платоновского стиля, С. Бочаров говорит об «упрощении, укорочении пути мысли и речи», что происходит за счет «ликвидации расстояний и разрывных отношений между понятиями и соответственно синтаксических расстояний и сложных связей» [Бочаров 1994: 42].

Свернутые словосочетания характеризуются компрессией исходной фразы, которая происходит таким образом, что минимальными средствами выражается максимально возможный смысл. Словосочетания этого типа подразделяются нами на *стяжения, наложения, пропуски* (эллипсисы).

1.1. Стяжения – это конструкции, составленные путем формального «упрощения», стягивания первоначальной фразы в словосочетание, в результате чего от исходного замысла остаются лишь ключевые слова, по которым можно восстановить нужный смысл. Почти все стянутые словосочетания в «Котловане» можно рассматривать как свер-

нутые предложения. Для выявления смысла стяжений необходимо их трансформировать. Например:

▪ «<...> спросил старик, складывая для внимательного выраженья свое **чтущее лицо**» [Платонов 2000: 51]¹. (То есть «**лицо выражало почтение**».)

▪ «Жачев и прежде, когда Чиклин работал на прочистке реки от карчи, посещал его, дабы кормиться *от рабочего класса*; но среди лета он переменял курс и стал питаться от **максимального класса**, чем рассчитывал принести пользу всему неимущему движению в дальнейшее счастье» [41]. При поверхностном прочтении словосочетания «максимальный класс» может показаться, что речь идет о пролетариате, так как это самый многочисленный и в политическом контексте повести господствующий класс. Однако в предложении происходит противопоставление «рабочего класса» «максимальному классу». Читатель же должен догадаться, что это за класс, если буржуазии уже нет, а выше в повести описывается, как Жачев требует продукты у Пашкина, председателя окрпрофсовета. Исходя из всего сказанного, мы предлагаем такую трактовку этого стяжения: «**класса** людей, которые имели **максимальные** блага, *то есть* бюрократии». Так А.Платонов противопоставляет бюрократию рабочему классу, сближая ее с буржуазией.

▪ «<...> все предавалось **безответному существованию**, один Воцев отделился и молчал <...>» [23]. Для понимания словосочетания «безответное существование» надо обратиться к контексту повести. Окружающий мир увиден глазами главного героя Воцева, который озабочен поиском смысла жизни: «Но вскоре он почувствовал сомнение в своей жизни и слабость тела *без истины*, – он не мог долго ступать по дороге и сел на край канавы, *не зная точного устройства всего мира и того, куда надо стремиться*» [23]. Исходя из этого, мы трансформируем стяжение так: «все **существовало, не зная ответа** на вопрос, *в чем смысл жизни*».

▪ «Письмо сестре он отправил и хотел теперь упорно действовать, беспокоиться о **текущих предметах** и строить любое здание в чужой прок <...>» [36]. Аномальное словосочетание «текущие предметы» ассоциативно

вызывает другое устойчивое выражение «текущие дела», что дает возможность такой трансформации: «беспокоиться о **текущих предметах**, *то есть* частей зданий».

▪ «Прушевский с удивлением привыкшего к печали человека наблюдал **точную нежность** и охлажденную, сомкнутую силу отдаленных монументов» [59]. То есть «наблюдал, как **точно** сконструированы и построены здания, что происходит, потому что строители чувствуют **нежность** к людям, которые будут жить в этих домах».

1.2. Наложения. Об этом типе словосочетаний можно говорить тогда, когда происходит соединение лексемы и синтаксической модели или частей нескольких синтаксических моделей в одно словосочетание.

1) Соединение лексемы и синтаксической модели:

▪ «Он с сознанием подошел к Прушевскому и **разбудил** его *ото сна*» [45]. Здесь контаминируются глагольная лексема **разбудил** и словосочетание *поднял ото сна*.

▪ «Девочка **вышла с места** и оперлась головой о деревянную стену» [58]. (Контам. **вышла И встала с места**.)

▪ «<...> вдалеке скрипела тележка Жачева, – по этому **скрипящему признаку** все мелкие жители города хорошо знали, что сливочного масла нет <...>» [40]. (Контам. **по признаку И по скрипящему звуку**.)

2) Соединение нескольких моделей. Путем наложения могут совмещаться разные виды конструкций.

а) Контаминируются свободные конструкции:

▪ «Пусть **экономится** что-нибудь *от человека* <...>» [56]. (Контам. **останется что-нибудь от человека И экономить что-нибудь**.)

▪ «Его пеший **путь лежал среди лета**, по сторонам строили дома и техническое благоустройство – в тех домах будут безмолвно существовать донныне бесприютные массы» [23]. (Контам. **путь лежал в середине лета И путь лежал среди полей и т. п.**) Здесь накладываются конструкции с временной и пространственной семантикой. Возможность восстановления конструкции с указанием на место («лежать среди поля» и т. п.) обусловлена контекстом всего предло-

жения, в котором говорится, что Воцев путешевует.

▪ «Утром Козлов долго *стоял над спящим телом* Прушевского <...>» [45]. (Контам. *стоял над спящим Прушевским* И *стоял над мертвым телом Прушевского*.) Сама конструкция «стоял над мертвым телом», возникающая в сознании, не кажется неожиданной, так как из предыдущего текста повести читатель помнит, что Прушевский решил умереть: «Прушевский сидел все в том же своем настроении <...> но он уже жалел, что поступил несознательно, прибыв сюда: все равно ему уже не так долго осталось терпеть *до смерти* и до ликвидации всего» [44].

б) Контаминируются *свободная и устойчивая конструкции*:

▪ «Но пищевой берег свои силы от служебного износа для личной жизни и *не вступал в разногласия*» [22]. (Контам. *не вступал в спор* И *избегал разногласий*.)

▪ «Мы тебя *никому не дадим тронуть*, ты теперь не бойся» [44]. (Контам. *никому не дадим* в обиду И *тебя никто не тронет*.)

в) Контаминируются *устойчивые сочетания*:

▪ «<...> и лишь огонь ночной припотушенной лампы проникал оттуда сквозь щели теса, держа свет на *всякий несчастный случай* или для того, кто внезапно захочет пить» [32]. (Контам. на *всякий случай* И на *несчастный случай*.)

▪ «А Козлов тотчас же начал *падать* пролетарской *верой* <...>» [35]. (Контам. *падать духом* И *терять веру*.)

1.3. **Пропуски.** Суть эллипсисов у А.Платонова заключается в элиминировании грамматически необходимых слов, которые восстанавливаются читателем при восприятии фразы. При этом иногда предположений бывает несколько, «возникает неопределенность интерпретации смысла сочетания» [Михеев 2000: 65]. Случаи эллипсисов у А. Платонова распадаются на пропуски *зависимого* и *стержневого* слова.

1) Пропуск *зависимого слова*. Эти случаи характеризуются тем, что сильная связь в словосочетании не реализована. Это обуславливает необходимость восстановления пропущенного слова, однако это не всегда бывает возможно.

▪ «Вот он **выдумал** единственный общепролетарский дом <...> [32]. (Опущ. *выдумал проект* общепролетарского дома.) Эллиптичность конструкции выявляется путем обращения к контексту повести. В этом отрывке речь идет об инженере Прушевском. Надо сказать, что в повести не указаны его политические взгляды: его нельзя назвать убежденным коммунистом, апологетом идей социализма, также нельзя сказать, что он противник этих идей. Поэтому думается, что идея общепролетарского дома (то есть дома, где будет жить весь городской пролетариат, а затем и такого дома, где поселится весь мировой пролетариат) принадлежит не Прушевскому, это идеи тех, кто стоит у власти. Прушевский же только выполняет их задание, выступает как архитектор.

▪ «На выкошенном пустыре пахло сыростью обнаженных мест, отчего яснее чувствовалась общая грусть жизни и тоска **тщетности**» [28]. (Опущ. *тщетность чего*.) Пустырь увиден глазами Воцева, который, как нам известно, не может найти смысла жизни. Исходя из этого, можно восстановить пропуск примерно так: «тоска *тщетности жизни* ИЛИ *попыток понять эту жизнь*».

▪ «Но человек был жив и **достоеин** среди всего унылого вещества <...> [28]. (Опущ. *достоеин чего* (может быть, *счастья*.)

2) Пропуск *стержневого слова*:

▪ <...> не поставит ли нам радио – для заслушанья **достижений** и директив» [49]. (Опущ. *заслушания докладов о достижениях*.)

▪ <...> Кашляет, вздыхает, молчит, горюет – так могилы роют, а **не дома**» [30]. (Опущ. *не котлован под дом*.)

▪ «Прушевский согласился с тем, потому что он все равно умрет раньше, чем кончится **здание**» [37]. (Опущ. *кончится строительство здания*.)

2. **Избыточные словосочетания.**

Наряду со свернутостью конструкций характерен для языка А. Платонова и противоположный прием – избыточность. И.Кобозева и Н.Лауфер называют этот прием «выделением избыточного аспекта исходного замысла, или «антиумолчанием» [Кобозева, Лауфер 1990: 128]. Ученые отмечают, что он приводит к «избыточному выражению мысли, преодолевающему экономичность

Анисова А.А. ТИПЫ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ДИСКУРСЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА: СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.

стандартных языковых средств, что создает эффект сопричастности формированию и оформлению смысла [Там же: 138]. Отмечая случаи избыточности, исследователи сходятся во мнении, что «Андрей Платонов никогда не произносил лишних слов» [Антонина 1995: 43], и видят в этом своеобразный поэтический прием.

Внутри избыточности мы выделяем несколько приемов: *случаи введения избыточного пресуппозитивного компонента и перифразы*.

2.1. Введение избыточного пресуппозитивного компонента. Обычно в языке, как отмечает Е.Падучева, «в пресуппозитивную часть высказывания опускается то, «что само собой разумеется», что позволяет очевидным образом «разгрузить коммуникацию» [Падучева 1996: 237-238]. В дискурсе повести А.Платонова «Котлован», наоборот, часты случаи избыточной вербализации пресуппозитивного компонента смысла главного или зависимого слова в словосочетании. Излишний пресуппозитивный компонент может быть выражен как *зависимым*, так и *стержневым* словом.

1) Избыточный пресуппозитивный компонент – *зависимое слово*. Эти случаи характеризуются тем, что конструктивно необязательным в словосочетании оказывается зависимое слово, которое может быть опущено. Например:

▪ «<...> трудились люди, возводя кирпичные огорожи, шагая с **ношей груза** в тесовом бреду лесов» [26]. В этом словосочетании в значении главного слова «ноша» присутствует сема «груз» (ср. в словаре: «Ноша. Груз, переносимый на себе» [Ожегов, Шведова 1995: 416]).

▪ « – Дай нам еще одно **мгновенье времени!**» [87]. В значении слова «мгновение» уже есть указание на «время» (ср. в словаре: «Мгновение. Очень короткий промежуток времени <...>» [Ожегов, Шведова 1995: 339]).

▪ «Чиклин и Воцев вышли с Оргдвора и отправились искать **мертвый инвентарь**, чтобы увидеть его годность» [77] и «Члены колхоза сожгли весь уголь в кузне, истратили все наличное железо на полезные изделия, починили всякий **мертвый инвентарь** <...>» [105]. Определение «мертвый» при

слове «инвентарь» воспринимается по меньшей мере как странное, так как известно, что инвентарь – это неживые предметы, вещи.

▪ «<...> присутствовали организованные члены и **неорганизованные единоличники**, кто еще был маломочен по сознанию или имел подкулацкую долю жизни и не вступал в колхоз» [82]. Мы знаем (из логики исторических событий, описываемых в «Котловане» и контекста повести в целом), что единоличниками являются люди, не вступившие в колхоз, то есть, неорганизованные, поэтому определение «неорганизованные» к слову «единоличники» воспринимается как избыточное.

2) Избыточный пресуппозитивный компонент – *стержневое слово*. В этих случаях конструктивно необязательным оказывается главное слово, так как в нем не содержится существенной информации. Важным же здесь является зависимое слово, несущее семантическую нагрузку и помогающее понять смысл всей фразы. Например:

▪ «<...> У нас есть здесь отсталые массы, которым полезна была бы культурная революция и всякий **музыкальный звук**» [49]. В значении слова «музыка» уже присутствует сема «звук» (ср. в словаре: «Музыка. 1. Искусство, отражающее действительность в звуковых художественных образах <...>» [Ожегов, Шведова 1995: 361]), поэтому слово «звук» является избыточным.

▪ «<...> А если ты, Козлов, **умственную начинку** имеешь и в авангарде лежишь <...>» [43]. Начинка – это то, что находится внутри чего-нибудь. Мы и так понимаем, что ум находится где-то внутри, так как является результатом психических процессов, но в данном случае он еще и материализуется, представая в виде какого-то конкретного вещества.

▪ «<...> но **чувство грусти**, как усталость, прошло по лицу Прушевского <...>» [45]. В словосочетании «чувство грусти» является избыточным слово «чувство», так как в значении слова «грусть» присутствует сема «чувство» (ср. в словаре: «Грусть. Чувство печали, уныния» [Ожегов, Шведова 1995: 144]). То же в следующих примерах: «<...> и тосковал о будущем, когда все станет общеизвестным и помещенным в скупое **чувство**

счастья» [49]; «Не сознавая ни наблюдающего народа, ни всего кругозора, двое мастеровых неустанно работали по *чувству совести*, как и быть должно» [103]; «Активист по-прежнему неподвижно молчал на полу, пока задумавшийся Вощев не согнулся над ним и не пошевелил его в *чувстве* своего любопытства перед всяким ущербом жизни» [110].

2.2. Перифразы. В произведениях А. Платонова часты случаи перифразов, которые выполняют специфические функции. По верному замечанию И. Кобозевой и Н. Лауфер, «если в языке существует лексема, служащая для выражения некоторой семантической конфигурации, то она и выбирается при вербализации» [Кобозева, Лауфер 1990: 132]. В языке же произведений А. Платонова можно видеть обратное явление: привычные слова заменяются необычными оборотами, которые воспринимаются как малоинформативные, создают впечатление нагромождения слов, что дает основание причислять их к случаям избыточности, хотя они, безусловно, обладают художественной значимостью в контексте всего произведения и авторского замысла.

Избыточные платоновские перифразы мы разделяем на *перифразы-аналитические наименования* и *перифразы-авторские толкования*.

1) Перифразы-аналитические наименования являются по своей сути описанием лексических значений слов. Они или напоминают словарные дефиниции, или излишне поясняют то, что и так известно русскоговорящему читателю, которому приходится восстанавливать то слово, которое толкует перифраз.

Перифразы, почти полностью *воспроизводящие словарные дефиниции*, довольно часты для текста повести «Котлован». Например:

▪ «<...> снизившись в эту *земную впадину* <...>» [26]. Перифраз «земная впадина» легко трансформируется в «яму» (ср. в словаре: «Яма. 1. Углубление в земле» [Ожегов, Шведова 1995: 905]).

▪ «Тогда молотобоец взгляделся в *снежный ветер* <...> [91]» и «*Снежный ветер* утих <...>» [95]. Под перифразом «снежный ветер» угадывается слово «метель», что вид-

но из словарного определения: «Метель. «Сильный ветер со снегом» [Ожегов, Шведова 1995: 345].

Многие перифразы-аналитические наименования, которые использует А. Платонов, напоминают *канцеляризм*: «Вощеву *дали расчет* с небольшого механического завода <...>» [21] (то есть *уволнили*); «<...> но для просьбы нужно *иметь уважение* к людям <...>» [23] (то есть *уважать*); «<...> а он, Вощев, *устраняется* спешащей, действующей молодостью *в тишину безвестности*» [25] (то есть *забывается*); «<...> Вощев *делал свое гулянье* мимо людей <...>» [26] (то есть *гулял*) и др.

2) Перифразы-авторские толкования. Эти перифразы отличаются от перифразов-аналитических наименований тем, что они не просто дают толкование лексического значения слова, но выявляют его потенциальную семантику. Понятие, которое заменяет перифраз, раскрывается с какой-то неожиданной стороны, с которой читателю, как правило, не приходилось о нем думать. Например:

▪ «Сельские часы висели на деревянной стене и терпеливо шли силой тяжести *мертвого груза* <...>» [28]. (То есть *гири*). Избыточно подчеркивается качество часовых гирь: они являются грузом и состоят из неживого вещества.

▪ «<...> и слабым голосом сомнения *дала знать о своей службе* пригородная собака» [22]. Смысл этого перифраза становится ясен только после нескольких операций, которые должен проделать читатель. Сначала надо понять, чем может дать знать о себе собака, – конечно, лаем. «Служба» же собаки хозяину и заключается в ее лае, за это ее кормят и держат. После этих действий мы можем восстановить слово, которое заменяет перифраз, – это «залаяла».

▪ «Чиклин, не видя ни птиц, ни неба, *не чувствуя мысли*, грузно разрушал землю <...>» [31]. Можно предположить, что за перифразом «чувствовать мысль» скрывается глагол «думать». А. Платонов по-своему трактует значение этого глагола, представляя процесс мысли как чувственный, что характерно для его картины мира.

3. Трансформированные словосочетания.

Эти случаи характеризуются тем, что писатель формально перестраивает привычные для русского языка сочетания.

Из анализа материала можно видеть, что А.Платонов в основном трансформирует **субстантивные словосочетания**. Отчетливо выделяются два основных типа: **1) словосочетания с зависимым словом именем прилагательным** употребляются вместо словосочетаний с зависимым словом **именем существительным** и **2) противоположные случаи**, когда словосочетания **с зависимым словом именем существительным** заменяют нормативные конструкции **с именем прилагательным**.

3.1. Словосочетания с зависимым словом именем прилагательным используются вместо конструкций с **именем существительным**. Такая мена, как отмечает Т. Радбиль, ««затемняет» отношения между элементами в структуре события» [Радбиль 2006: 200]. В этом случае признак, который должен быть выражен более дифференцированно, нивелируется, поэтому требуется определенная трансформация исходного сочетания, чтобы уточнить смысл выражения. Для этого в качестве зависимого слова используется падежная форма, часто с предлогом, более полно и точно раскрывающая смысл. При преобразовании выявляются те значения, которые не дифференцированы в исходном платоновском сочетании. Так, уточняются *определятельные*, а также обнаруживаются *объектные* отношения. Рассмотрим их подробнее.

1) При трансформации падежной формой конкретизируются определятельные отношения, а именно:

а) отношения к лицу и предмету:

▪ «<...> и припотушенная лампа освещала бессознательные **человеческие лица**» [27] (то есть *лица людей*) И «Вощев добрел до пивной и вошел туда на искренние **человеческие голоса**» [21] (то есть *голоса людей*). В этих примерах в исходной конструкции с именем прилагательным нивелируется значение принадлежности к конкретным людям, которые находятся в бараке или, во втором случае, в пивной. При трансформации этот смысл выражается падежными формами. Эта очень хорошо видно из следующего примера.

▪ «<...> он решил укрепить этот сектор социалистического строительства путем прекращения **дамских писем** к себе» [63] (то есть *письма дамы*). В исходном словосочетании с прилагательным недифференцирован признак «принадлежность к конкретному лицу», то есть даме, которая пишет письма герою повести, что и обуславливает появление падежной формы вместо адъектива при трансформации.

В следующем примере падежная форма конкретизирует отношение к предмету:

▪ «Женщина на время замерла, ощущая свое питание из **лимонного остатка**» [51] (то есть *остатка лимона*).

б) конкретизируются отношения ограничения, выраженные падежной формой и предлогом *по*:

▪ «К утру Козлов постановил для себя перейти на **инвалидную пенсию** <...>» [47] (то есть *пенсию по инвалидности*).

в) при трансформации падежная форма с предлогом с называется *содержимое*:

▪ «<...> безмолвно отошел в высшую, общепользную жизнь, взяв в руку свой **имущественный сундучок**» [48] (то есть *сундучок с имуществом*).

▪ «Вот уже **кулацкий** речной эшелон начал заходить на повороте за береговой кустарник <...>» [94] (то есть *эшелон с кулаками*). Такая трансформация исходного сочетания обусловлена контекстом повести («эшелонам» названы плоты, на которых сплавили раскулаченных людей), из которого ясно, что определение «кулацкий» обозначает не принадлежность к кулакам, а содержимое плотов или «эшелона».

г) дифференцируются различные обстоятельственные оттенки определяющего значения:

– *пространственные*, которые конкретизируются падежными формами с предлогами *в, на, из*:

▪ «<...> он во время земляных работ был старшим в артели, **грунтовый труд** был его лучшей профессией» [28] (то есть *труд в грунте*).

▪ «Чиклин в заботе закрыл чьи-то распахнутые ворота, потом осмотрел **уличный порядок** – цело ли все <...>» [98] (то есть *порядок на улице*).

▪ «Он с удовлетворением отправил через **районного всадника** законченную ведомость ликвидации классового врага <...>» [106] (то есть *всадник из района*).

– **целевые**, определяющиеся падежной формой с предлогом *для*:

▪ «После общего пробуждения в **ночлежный барак** землекопов пришел посторонний человек» [34] (то есть *барак для ночлега*).

2) При трансформации выявляются **объектные значения**.

Эти отношения выражаются падежными формами имени существительного с предлогами *с, о, для*. Например:

▪ « – Это, наверно, на **капиталистическом сражении** тебя повредили <...>» [25] (то есть *сражение с капиталистами*).

▪ « – Откуда это у товарища Чиклина **мировое представленье** получилось? <...>» [37] (то есть *представление о мире*).

▪ « <...> неотлучное солнце безрасчетно расточало свое тело на каждую мелочь здешней, низкой жизни, и оно же <...> вырыло в старину овраг, но туда еще не помещено никакой **пролетарской пользы**» [36] (то есть *польза для пролетариата*).

Выявляемые объектные отношения могут выражаться формой *творительного инструментального*:

▪ «Далее Чиклин покойно дал активисту **ручной удар** в грудь <...>» [108] (то есть *удар рукой*).

▪ «Когда активист уже захрипел от долгой **губной игры**, а люди все не утихали и двигались туловищами, Чиклин крикнул в колхоз <...>» [96] (то есть *игра губами*).

3.2. Словосочетания с зависимым словом именем существительным употребляются вместо нормативных конструкций *с именем прилагательным*. Эти случаи характеризуются неоправданной с языковой точки зрения конкретизацией отношений, что перегружает семантику словосочетания. В основном писатель использует генетивную группу, в которой главное слово выражается абстрактным существительным. При этом неоправданно **конкретизируются отношения к предмету** (в широком смысле):

▪ «Но социалист Сафронов боялся забыть про обязанность радости и отвечал всем и навсегда верховным **голосом могущества** <...>» [53] (то есть *могущественный голос*).

▪ «← У кого в штанах лежит **билет партия**, тому надо беспрерывно заботиться, чтоб в теле был энтузиазм» [54] (то есть *партийный билет*).

▪ «<...> он вообще читал в постели книги, и, запомнив формулировки, лозунги, стихи, заветы, всякие **слова мудрости**, тезисы различных актов, резолюций, строфы песен и прочее <...>» [63] (то есть *мудрые слова*).

В результате данного исследования можно сделать вывод, что одной из характерных черт необычного дискурса А.Платонова является создание разнообразных типов словосочетаний, формальные преобразования в структуре которых тесно связаны с семантическими сдвигами, что способствует выражению авторского замысла.

¹ В дальнейшем все ссылки на художественный текст даны по этому изданию с указанием страниц.

Список литературы

Антонова Е. «Безвестное и тайное премудрости...» (Догматическое сознание в творчестве А.Платонова) // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: Наследие, 1995. Вып. 2. С. 39-53.

Бочаров С.Г. «Вещество существования» // Андрей Платонов. Мир творчества: сб. статей. М.: Современный писатель, 1994. Кн. 2. С. 10-46

Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Языковые аномалии в прозе А.Платонова через призму процесса вербализации // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990. С. 125-139.

Михеев М.Ю. Жизни мышья беготня или тоска тщетности? О метафорической конструкции с родительным падежом // Вопросы языкознания. 2000. № 2. С. 47-70.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1995.

Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996.

Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к биографии. М.: ИМЛИ РАН, 2006.

Платонов А.П. Котлован. Текст. Материалы творческой истории. СПб.: Наука, 2000.

**Анисова А.А. ТИПЫ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ДИСКУРСЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА:
СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.**

Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. М.: МПГУ, 2006.

Толстая-Сегал Е. Стихийные силы: Платонов и Пильняк (1928-1929) // *Slavica Hierosolymitana*. Jerusalem, 1978. Вып. 3. С. 89-109.

**TYPES OF WORD-COMBINATION IN ANDREY PLATONOV'S IDEOSTYLE:
SEMANTICAL AND SYNTACTICAL ASPECTS**

Anna A. Anisova

**Senior Lecturer of Contemporary Russian Language Department
Far Eastern National University**

The article is devoted to researching of the main types of the word-combinations in Andrey Platonov's ideostyle. The author of the article analyzes different kinds of structures (condensity, superfluity, and transformation) with their semantic and syntactic features. In the article the transfigurations in the word-combination structures in Andrey Platonov's fictional texts are connected with their semantical transformation and the expression of the writer's conception.

Keywords: syntax of word-combination, language of art work, Andrey Platonov.